

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
К12

Cristina Caboni
IL GIARDINO DEI FIORI SEGRETI

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Laura Ceccacci Agency S.r.l. и Prava I Prevodi International Literary Agency

Серия «Вкус к жизни»

Перевод с итальянского *Татьяны Быстровой*

Оформление обложки *Яны Половцевой*

Кабони, Кристина.

К12 Сад таинственных цветов : [роман] / Кристина Кабони ;
[перевод с итальянского Т.А. Быстровой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-17-102735-3

Кристина Кабони дарит нам новую историю — о потерянной связи между сестрами, которые находят свои корни, путешествуя между каналами Амстердама, по лондонским садам и пышным то-сканским холмам.

Айрис Донати не мыслит своей жизни без растений, именно они дают ей ощущение дома, которого у нее никогда не было — они с отцом постоянно переезжали с места на место. Конечно, она не может пропустить крупнейшую в мире выставку цветов, где неожиданно встречает девушку по имени Виола, как две капли воды похожую на нее. Сестры хотят выяснить, почему их разделили и они ничего не знали друг о друге. Ради разгадки тайны они отправляются в Италию, в средневековый городок, где между кипарисовыми аллеями и зелеными склонами находится старинный дом, окруженный бескрайним садом. Здесь им предстоит спасти сад, разгадать тайну, которая уходит корнями в прошлое семьи Донати, и обрести истинное счастье.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-102735-3

© Cristina Caboni, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Моя жизнь — это сад, мои любимые люди — цветы.
Вам, родные мои, посвящается эта книга.*

Дай мне аромат прекрасных цветов
в саду на рассвете, где я мог бы бродить
в одиночестве.

Уолт Уитмен

ПРОЛОГ

«Сад — это пространство, это созерцание, то место, где можно предаться размышлениям. Сад — это тишина».

Глубокий голос поднимается к ветвям деревьев. Его подхватывает и разносит ветер. Бьянка наблюдает за отцом из-за куста розы. Сидящие вокруг внимательно его слушают. Каждый день многие приходят на его лекции. Бьянка склоняет голову и смотрит на траву, мысли клубком устремляются к сердцу. Она сжимает маленькие кулаки и поднимает глаза.

Ей нужно кое-что сказать отцу — нечто очень важное. Он не заметил, что сад говорит ему о том, что ему есть, что рассказать.

И эта мысль, осознание своего открытия, наполняет Бьянку радостью. Наконец-то отец посмотрит на нее с улыбкой, расскажет маме, какая она молодец, будет всем твердить, что и она — настоящая Донати.

— Тсс, тише! Ты же знаешь, его нельзя перебивать!

Но Бьянка не слушает сестру. Ее глаза блестят, она знает, что к отцу нужно обращаться со всем уважением. И что нужно подождать. Вот только ей не терпится, ей хочется бежать к Лоренцо Донати, ухватить его за рукав: «Падаю-

щие лепестки роз издают звуки. Их издают побеги пробивающейся травы и распускающиеся маргаритки. Сад говорит, он ни на минуту не замолкает. Я слышала».

Ну вот, она смогла это произнести, даже ни разу не запнулась. Она смотрит на отца, затем ее взгляд перемещается дальше, к далекой террасе. Там, точно сокровища, разложены книги. Сердце девочки бешено бьется, она уже чувствует касание тонких страниц, видит картинки, ощущает запах сухих растений. В глазах и в сердце нарастает желание.

На этих страницах изображены цветы, страницы рассказывают множество историй. А рядом с книгами стоит коробка с красками и лежат пакетики с семенами цветов. Она уже знает, потому что заметила их издалека. Это — награда.

Бьянка вдруг замечает, что прошло уже довольно много времени, а вместо одобряющих слов в воздухе повисло молчание. Она медленно оборачивается к отцу и ловит на себе его взгляд, так похожий на ее собственный. Но в этом взгляде нет ни улыбки, ни гордости.

— Сад говорит со мной, я знаю, он столько мне рассказывал, — снова начинает она. На этот раз чуть слышно между каждым словом повисает длинная пауза.

Но вместо ответа отец лишь строго смотрит на дочь. Затем, взяв ее за руку, он ведет ее по тропе. Но потом вдруг останавливается. Когда Лоренцо берет ее за подбородок, Бьянка понимает, что ни книг, ни красок ей не видать.

— Ты же знаешь, что меня нельзя перебивать.

— Но ведь сад говорит, это правда!

— Это мы обсудим позже. А теперь иди-ка домой.

Сердце Бьянки тревожно бьется, глаза горят. Но слова отца впечатываются в ее душу, словно они — каменная изгородь, за которую, сверкая красными ягодами, пытается цепляться кизильник. Бьянка думает о белых ароматных кустах бирючины, тянущихся вдоль луга, где проводит лекции

Лоренцо Донати. Потом ее взгляд теряется где-то вдали, улетает к долине, раскинувшейся у замка.

Она хорошо знает это место. Здесь ее мир. Здесь она родилась, с тех пор прошло десять лет. Это ее сад.

Слова отца — не более чем порыв ветерка, уносящего прочь все, даже звуки и запахи. Они преследуют ее, хотят до нее дотянуться, но Бьянка не обращает внимания, она еще чувствует атмосферу разочарования, слышит вздох, от которого она словно окаменела.

Но вот сад снова заговорил с ней: трава застонала под тяжелыми туфлями, затрепетали от звуков шагов кусты, пока не настала тишина. Пустота.

— Я же тебя предупреждала! Почему ты никогда не слушаешь? — с этими словами сестра подошла и взяла ее за руку. Но Бьянка выдернула руку и побежала прочь. Цветы склонили головки и заплакали вместе с девочкой. Их звуки были похожи на музыку, которая сливалась с ее чувствами, будь то злость или наивные мечты. Она провела пальцами по головкам азалий, гортензий, камелий — и вдруг перед ней открылась роща. А вот и роза, которую она так искала. Здесь ее прибежище. Всего один миг, и тысячелетняя роза скрыла ее за старыми перекрученными узлами стеблями.

Бьянка закрыла глаза, прислонилась лбом к грубой коре, дыхание ее стало спокойным и ровным. Когда она вновь раздвинула стебли, сквозь листья уже пробивалось солнце. Она подняла глаза и посмотрела на красные лепестки, летящие на ветру и приземляющиеся на зеленый мох у ее ног. Их запах уже еле ощущался, они словно слали последний привет. Но, протянув руку за этим нежным сокровищем, девочка ощутила прикосновение острых шипов. Отец не раз предупреждал ее, что с ними нужно осторожнее, что шипы могут ранить.

Но ведь они с розой друзья, и роза ее не обидит. Она пыталась объяснить это отцу. Но он даже внимания не обратил, точно не слышал. Бьянке хотелось закричать: «Послушай, папа, пожалуйста, послушай!» Но отец был уже далеко.

Остались только дыхание разочарования да нетерпеливый взгляд. Молчаливый упрек, кулак, ударивший по деревянному столу, недовольство.

— У меня никак не получается быть такой, как он хочет, — прошептала девочка розе.

Куст задрожал, налетел ветерок. На этот раз, прежде чем оказаться на земле, красные лепестки скользнули по детскому телу, утешая и лаская его.

«Роза любит меня». — Бьянка почувствовала это и впервые за день улыбнулась.

1

*Заниматься садом означает иметь терпение.
Для садоводства нужны внимание, забота, постоянство.
Зимой нужно привести в порядок инструменты
и подготовить почву к новому сезону.
Земля хранит в себе тайну возрождения.*

Этим парням здесь совсем не место. Что им делать в той части Амстердама, где бывают лишь ночные завсегдагаи? Айрис Донати поднесла ладонь к губам, согревая пальцы дыханием.

— Почему бы вам не пойти в другое место? — произнесла она, но ее голос заглушил порыв ледяного ветра, от которого перехватило дыхание. Она подумала было отступить. Придется вернуться в другой раз. Но тут ее взгляд упал на окна домов на той стороне улицы и надолго застыл на одном из них — на том, что располагалось на втором этаже большого здания.

Нет, надо еще подождать. Она еще раз посмотрела на небо и вновь принялась наблюдать за улицей. Ребята смеялись и бежали по тротуару. К фасаду здания были крепко приставлены строительные леса. Мягкий свет фонарей плыл по водам канала. Запах воды был настолько силен, что от него становилось тошно. Но легкий шум волн был приятен, он напоминал гул ветра, доносящего чьи-то далекие голоса.

Она поправила пряди, соскользнувшие на лицо, и вновь посмотрела на смеющихся мальчишек.

«Должно быть, им примерно столько же, сколько и мне, — подумала она. — Студенты, а может, туристы. Да и какая разница». То, что выделяло их из толпы, — это их смех, их движения. Она продолжала следить за ними взглядом, не в силах оторваться. И лишь когда любопытство переросло в острую боль желания, пришлось отступить.

Внезапный гудок далекого корабля заставил ее прийти в себя.

— Я только зря теряю время, — пробормотала она. Нужно было срочно кое-что сделать, и сделать до того, как встанет солнце.

Когда последний из парней повернул за угол, она вдохнула с облегчением и осторожно посмотрела по сторонам. Надвинув на голову капюшон толстовки, она исчезла в темноте.

То, что Айрис делала в свете растущей луны, было строго-настрого запрещено. Если бы ее поймали, слово «неприятности» оказалось бы слишком мягким для того, что могло ее ждать. Она это прекрасно понимала. И все же продолжала поиски мест, где можно обустроить сады.

Миру нужны цветы. Лишь в этом она была совершенно уверена.

Медленным движением она скинула рюкзак и, расправив уставшие плечи, вновь собрала волосы, рассыпавшиеся по лицу. Бережно она достала растения, завернутые в мокрую ткань. На этот раз она выбрала розы сортов «портланд» и «бурбон». Фиалки, цикломены, тюльпаны и нарциссы ждали своей очереди. А вслед за ними настанет очередь мягкого ковра из мха изумрудного цвета. Сначала розы, потом остальные цветы.

В кармане ее джинсов лежало письмо от Анны Линц, которая жила на улице напротив. Письмо поступило в редакцию журнала, где работала Айрис. Это для Анны она высадит сад сегодня ночью. Однако свое решение Айрис ни с кем не обсудила. Только старине Йонасу рассказала, но это не в счет, он вообще жил в параллельной реальности. Другие люди никогда не смогли бы понять, зачем ей куда-то ехать и втайне от всех сажать сад для какой-то незнакомки.

На самом деле она и сама этого толком не понимала. Сад, который ей предстояло посадить этой ночью, был особенным. Желтизна первоцветов говорила о возрождении, синева фиалок и гиацинтов — о силе и смелости, розоватые

тюльпаны обещали надежду. Дамасские розы она выбрала за сладкий запах. Это был настоящий подарок, ее попытка кому-то помочь. Она всегда хотела жить в гармонии с природой, заботиться о ней, у нее был свой взгляд на мир, как и на композиции, которые она создавала.

И это немного пугало. Айрис отерла лоб и продолжила работать, пока не позабыла о читательнице журнала. Она осталась наедине с цветами. Садовые инструменты стали словно продолжением ее рук, а сердце притихло вместе с дуновением ветра.

Земля была тверда, в носу стоял пронизывающий запах влажности, поднимающейся из ближайшего канала. На подготовку клумбы ушло около получаса тяжелой работы. Она в последний раз взглянула на почву, готовившуюся принять семена, подняла глаза к небу и вдохнула ночной воздух.

Вскочив на велосипед, Айрис снова обернулась, а затем схватилась за руль и изо всех сил принялась крутить педали. Порывы ветра дули прямо в лицо, и несколько раз она едва не упала. Так было всегда, стоило ей посадить новую клумбу. Внутри зарождалась какая-то радость, она направляла ее, придавала жизни смысл.

Айрис жила в крохотной квартирке на первом этаже в районе Бегейнхоф — одном из старейших и красивейших районов Амстердама. Вдоль улицы тянулась цепь старинных домиков, неподалеку была лужайка, окруженная огромными каштанами, посреди нее возвышалась старая церковь, которую Айрис видела всякий раз, когда работала поутру.

С тех пор как она перебралась сюда, чувство одиночества давало знать о себе не столь остро. Жить в большом городе нелегко. Она никак не могла себе объяснить, с чего ее вдруг накрывало чувство внезапной тоски. И дело было не в одиночестве, потому что растения помогали его скротать. Нет, это было сродни ощущению пустоты, чего-то, чего так мучительно не хватало. Словно внутри поселилась тихая боль. Обычно это чувство проходило довольно быстро, но случалось, что оно перерастало в настоящую тоску,

и тогда оставалось лишь ждать ночи. Именно тогда сады оживали.

С рюкзакom, где лежали саженцы, она выходила из дома в поисках места, где появится новый сад.

Старый район сразу произвел на нее впечатление маленького мирка, где все границы четко обозначены, где все друг друга знают. Но что действительно повлияло на ее решение выложить за аренду немалую сумму, равняющуюся доброй половине ее заработка, так это атмосфера спокойствия, обилие зелени и закрытый дворик. Пусть даже маленький, но достаточно светлый, чтобы в нем можно было разместить растения. Все, что удалось спасти.

Иные были найдены в мусорных баках, другие оставлены бывшими хозяевами у подъездов — она дарила их друзьям и подругам, чтобы те смотрели на них и вспоминали о ней. Несколько растений она нашла, когда шла по улице в поисках подходящего участка, куда можно было бы пересадить найденьшей. Порой они были совершенно в жутком состоянии, и она забирала их домой и ухаживала за ними изо дня в день. Именно такие растения делали ее сады особенными, ведь у каждого была своя история.

Оказавшись в Бегейнхофе, Айрис быстро забежала в квартиру, откинула капюшон, золотистый свет фонаря осветил ее лицо. Тонкие черты, выступающие высокие скулы, длинные каштановые волосы. Что больше всего поражало в этой девушке, так это сосредоточенное выражение ее лица, ее пронзительный взгляд.

Через несколько часов, провалившись в теплую кровать, Айрис уже разглядывала что-то неопределенное сквозь большое окно, выходящее во двор. Как хорошо получилась эта клумба! Как здорово сошлись цвета, как гармонично будут пахнуть цветы, когда раскроются бутоны. Казалось, все говорило о том, что она должна быть довольна и счастлива. Обычно именно так она себя и чувствовала после очередной вылазки. Но сегодня ей почему-то было тревожно.

Все дело в том, что раньше она исходила только из собственных представлений. Теперь же речь шла о незнакомом человеке, и ее задачей было слиться с желаниями кого-то другого и перевести их на язык растений, цветов и запахов. А это меняло все, в том числе ее отношения с миром и другими людьми. Только теперь она поняла всю ответственность своего поступка.

Она нервно повернулась в кровати и тяжело вздохнула. Рассвет почти наступил, и все же ночь не желала отступать, луна продолжала светить бледным игривым светом.

«Деревья там из серебра, цветы — из золота были. Готовы были семена для путников, для роз — вода» — так пелось в песне, которую в детстве часто напевал ее отец. Она помнила и другие слова. И каждая строфа начиналась с названия цветка. Все в ее жизни начиналось с цветка.

Сколько Айрис себя помнила, они всегда были вдвоем с отцом. Воспоминаний о матери память не сохранила. В детстве вокруг нее было так много заботливых людей, что образ матери поблек и слился с лицами женщин, которые ее любили. Сложно было вспомнить их имена. Марианна, Лидия, Долорес, Антония — это лишь те, которые оставили сильный след в ее жизни. Те, с которыми она провела немало времени... Но ей все казалось, что старая песня связывает ее с Клаудией.

Так звали ее мать.